

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-481-486

СТАРОВОЙТОВА Ирина Евгеньевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии ФГБОУ ВО
«Государственный университет управления»,
e-mail: iestar1@mail.ru

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ВЕКТОР ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу академической мобильности как ключевого вектора интернационализации высшего образования в России и Китае. В статье поднимается проблема вариативности моделей и практик академической мобильности в зависимости от национальных стратегий. Рассматриваются теоретические подходы к определению и типологии академической мобильности. Сопоставляются вертикальная и горизонтальная, исходящая и входящая, внешняя и внутренняя мобильность. Выявляются особенности национальных моделей: для России характерно стимулирование экспорта образовательных услуг административными методами, для Китая — государственное стратегическое планирование и использование академических обменов как инструмента «мягкой силы». Анализируются современные тренды, включая виртуальную и внутреннюю мобильность. Ставится вопрос о трудностях реализации привычных академических обменов в современной непростой геополитической ситуации. Говорится о важности академической мобильности как гуманитарного средства информационной борьбы, как метода создания позитивного имиджа страны. Определяются перспективы российско-китайского сотрудничества в формате конкурентного партнерства. В заключении намечены направления для дальнейших исследований в данной области, среди которых изучение влияния обучения в России и Китае на карьерные траектории выпускников из третьих стран, изучение феномена «обратной» мобильности, разработка и апробация совместных российско-китайских образовательных программ, изучение долгосрочных последствий виртуальной мобильности, исследование новых перспективных моделей международного образовательного сотрудничества. Делается вывод о важности стратегического партнерства России и Китая для создания евразийского образовательного пространства.

Статья может быть интересна преподавателям высших учебных заведений, исследователям философии образования, культурологам, менеджерам в сфере образования.

Ключевые слова: высшее образование; академическая мобильность; интернационализация образования; Россия; Китай; «мягкая сила»; экспорт образовательных услуг; межкультурная адаптация; сравнительный анализ.

STAROVOYTOVA Irina Evgenievna,
candidate of philosophy, assistant professor,
assistant professor of the Department of philosophy,
State University of Management, Moscow, Russian Federation

ACADEMIC MOBILITY AS A VECTOR OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND CHINA

Annotation. This article presents a comparative analysis of academic mobility as a key vector of internationalization of higher education in Russia and China. It addresses the variability of academic mobility models and practices depending on national strategies. Theoretical approaches to the definition and typology of academic mobility are examined. Vertical and horizontal, outgoing and in-

coming, and external and internal mobility are compared. Peculiarities of these national models are identified: Russia is characterized by the stimulation of educational services exports through administrative methods, while China is characterized by state strategic planning and the use of academic exchanges as a tool of "soft power." Current trends, including virtual and internal mobility, are analyzed. The challenges of implementing traditional academic exchanges in the current complex geopolitical situation are discussed. The importance of academic mobility as a humanitarian means of information warfare and as a method of creating a positive image of the country is discussed. Prospects for Russian-Chinese cooperation in the format of a competitive partnership are outlined. The conclusion outlines areas for further research in this area, including examining the impact of studying in Russia and China on the career trajectories of graduates from third countries, studying the phenomenon of "reverse" mobility, developing and testing joint Russian-Chinese educational programs, studying the long-term consequences of virtual mobility, and exploring new promising models of international educational cooperation. A conclusion is reached on the importance of a strategic partnership between Russia and China for the creation of a Eurasian educational space.

This article may be of interest to university professors, researchers in the philosophy of education, cultural studies scholars, and education managers.

Key words: *higher education; academic mobility; internationalization of education; Russia; China; soft power; export of educational services; intercultural adaptation; comparative analysis.*

Введение

В ситуации растущей конфликтности международной ситуации, роста дивергентных тенденций образование продолжает выступать важным консолидирующим фактором. Тенденция интернационализации в современном высшем образовании сохраняется. Выход Российской Федерации из Болонского процесса и реформирование национальной высшей школы в соответствии с новыми требованиями рынка труда не означает потери интереса к проверенным временем моделям международного образовательного сотрудничества. Развивается институциональное партнерство, Россия участвует в международных исследовательских проектах, формируются новые международные образовательные стандарты, осуществляется академическая мобильность [1, с. 12].

Помимо гуманитарной составляющей, современное образование приобрело и коммерческий статус. Оно превратилось в товар, циркулирующий на мировом рынке, можно сказать, что активно развивающийся международный рынок образовательных услуг стал неотъемлемой частью мировой экономики. Под воздействием двух ключевых тенденций — коммерциализации образования и унификации образовательных систем — тема академической мобильности приобретает особую актуальность. В результате взаимодействия национальных систем образования происходит их взаимное обогащение и корректировка, основанное на конкуренции повышение качества [1, с. 12], осуществляется диалог культур.

Проблема исследования заключается в том, что, являясь универсальным инструментом интернационализации, академическая мобильность реализуется по-разному в зависимости от национальных стратегий, сталкиваясь с вызовами межкультурной адаптации и геополитической конку-

ренцией. Для России, стремящейся вернуть утраченные позиции на мировом образовательном рынке [2, с. 39], весьма интересен положительный пример восточного соседа (Китая), одного из растущих цивилизационных центров и важного участника международного рынка образовательных услуг, где образование стало важным инструментом «мягкой силы», что означает продвижение привлекательного образа страны и ее ценностей на международной арене.

Цель данной статьи — провести сравнительный анализ подходов, проблем и перспектив развития академической мобильности в России и Китае для выявления лучших практик и определения направлений двустороннего сотрудничества.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов в области интернационализации образования (Ф. Альтбах, Дж. Найт, А.Н. Шеремет) [1, с. 13], а также концепция «мягкой силы» (А.В. Торкунов [12]), позволяющая оценить влияние образовательных обменов на международный авторитет государств.

Теоретические основы и типология академической мобильности

Под академической мобильностью в вузе понимается организованный процесс перемещения обучающихся или работников вуза в другое образовательное или научное учреждение (в своей стране или за рубежом) для обучения, преподавания или проведения исследований с обязательным возвращением к первоначальному месту учебы или работы [8, с. 74].

Академическая мобильность сегодня — это сложный комплекс, состоящий из путешествия, проживания и работы в различных социальных системах и культурах. Она способствует передаче

опыта, преодолению национальной самодостаточности [1, с.15] и работает на переход к нелинейному развитию системы высшего образования, предоставляя свободу выбора образовательных траекторий [8, с.74].

Исследователи выделяют различные типы академической мобильности. Согласно типологии С.И. Григашкиной и С.М. Бугровой [3], в рамках Болонского процесса различают «вертикальную» (полное обучение на степень) и «горизонтальную» (обучение в течение ограниченного периода) мобильность. В российской практике, где географические масштабы и наличие крупных и значимых университетов не только в центре страны, но и регионах, возможна организация мобильности и в виде выезда за рубеж, и внутри страны, говорят о внешней (международной) и внутренней (национальной) мобильности.

К формам академической мобильности относятся: для преподавателей — чтение лекций, стажировки, участие в конференциях; для студентов — программы двойного диплома, включенное обучение, летние и языковые школы, совместные научные исследования [3].

Сравнительный анализ национальных моделей академической мобильности

1. Российская модель: стимулирование экспорта и внутренние барьеры

В России важным инструментом интеграции в мировую систему образования и способом расширения занимаемой ниши на международном рынке образовательных услуг считается академическая мобильность — исходящая и входящая [4, с.9].

В предыдущее десятилетие исходящая мобильность российских студентов в страны Запада ежегодно возрастала, учащиеся предпочитали Германию, США, Францию, Великобританию, Китай. Современная геополитическая обстановка, санкционное давление переориентирует потоки исходящей мобильности, в частности, развивается международное образовательное сотрудничество стран БРИКС, развивается сотрудничество Юг-Юг [10]. Целями являются получение междисциплинарных компетенций, углубленное изучение языков, знакомство с передовыми научными школами [1, с.18-19].

Входящая мобильность стимулируется преимущественно административно-командными методами. Разработаны количественные критерии инновационной деятельности вузов, такие как количество иностранных студентов на контрактной основе, объем внебюджетных средств от их обучения, число преподавателей, прошедших стажировки за рубежом. Университеты заинтересованы в привлечении иностранцев, и в этой связи

разрабатываются программы по их межкультурной адаптации (лингвокультурные тренажеры, геймификация). Однако, несмотря на эти усилия, входящая мобильность в Российской Федерации представляет главным образом коммерческий интерес для государства, даже сам термин «экспорт образовательных услуг» имеет экономическую коннотацию. Международная академическая мобильность не стала еще стратегическим направлением геополитики.

2. Китайская модель: государственное планирование и инструмент «мягкой силы»

Китай демонстрирует принципиально иной, стратегический подход. Перемещение ученых и студентов законодательно закреплено и включено в госпрограммы. Государство создает благоприятные условия для исходящей мобильности, но с прицелом на предотвращение «утечки мозгов», реализуя программы финансовой поддержки «возвращенцев» (например, программа «Тысяча талантов» для ученых до 55 и до 40 лет).

Исходящая мобильность китайских студентов — одна из самых высоких в мире (38% всех мобильных студентов). Этому способствуют государственные стипендии, высокий конкурс внутри страны и стремление к глобальной конкурентоспособности. Китайские студенты готовы к межкультурному диалогу, но сопротивляются ассимиляции, сохраняя национальные привычки. Выбор России для обучения китайцы делают из-за территориальной близости, низкой стоимости обучения и простоты поступления [6, с.479].

Входящая мобильность в Китае достигается за счет мощных государственных программ поддержки: увеличение стипендий, ежегодный рост бесплатных мест для иностранцев (в среднем на 1000 человек). Проблема межкультурной адаптации решается через обучение на языке принимающей страны, снижение учебной нагрузки для иностранных учащихся и более комфортный быт. Китай предпочитает принимать на учебу молодежь из стран со схожим менталитетом, предлагая иностранным студентам самим приспосабливаться к китайской культуре, тогда нет особенной нужды в разработке программ развития межкультурных компетенций [4].

Академическая мобильность как инструмент «мягкой силы»

Нынешними властями КНР взят курс на расширение международного образовательного сотрудничества для повышения статуса страны и улучшения ее имиджа. Используя западную концепцию «мягкой силы», Китай применяет образовательные обмены для привлечения будущих элит и формирования позитивного образа страны [6, с. 472; 12]. В противовес западноцентричному

дискурсу развивается азиатский, примером чего служит Университет Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), призванный сформировать единое евразийское образовательное пространство [5, с.21-22].

Развитие образовательного сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС [10] целесообразно для укрепления геоэкономических и геополитических позиций России и Китая в мире, образование могло бы стать инструментом противодействия дезинформации, гуманитарным средством информационной войны в условиях политической турбулентности.

Современные тренды и формы академической мобильности

Наряду с традиционной физической мобильностью, все большее значение приобретают новые формы.

Внутренняя академическая мобильность является важным стимулирующим фактором развития российских регионов, благодаря ей интенсифицируются связи университетов с предприятиями реального сектора экономики. Стажировки в ведущих научно-образовательных центрах позволяют «подтягивать» слабые периферийные вузы [8, С.76].

Виртуальная академическая мобильность, прежде всего через массовые открытые онлайн-курсы (МООК), стала значимым компонентом высшего образования. Она обеспечивает высокий уровень инклюзии, вовлекая людей с ограниченными возможностями и разные социальные группы. В условиях пандемии Covid-19 виртуальная мобильность стала безальтернативным решением. Однако ее развитию препятствуют слабая материально-техническая база, языковой барьер и проблемы признания дипломов [5, с.22]. В пятерку крупнейших МООК-платформ входят Coursera (США), edX (США), XuetangX (Китай). Активно реализуют такие курсы Высшая школа экономики (Россия) и Пекинский университет (КНР) [9, с. 179]. Действует сетевой университет БРИКС (СУ БРИКС), в который входят 56 вузов: 9 университетов из Бразилии, 12 из России, 12 из Индии, 11 из Китая и 12 из ЮАР.

В научном сообществе нет единства в оценке виртуальной мобильности: одни видят в ней риск «утечки мозгов», другие — возможность для «циркуляции мозгов» [5, с.25; 8, с.76].

Перспективы и проблемы российско-китайского сотрудничества в сфере академической мобильности

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, государства с множеством крупных университетских центров и научных школ,

имеют немалый вес на рынке образовательных услуг и нацелены на расширение их экспорта. Согласно российскому приоритетному проекту «Развитие экспортного потенциала», планировалось увеличение числа иностранных студентов до 710 тыс. к 2025 году [11, с.4]. Однако изменение геополитической ситуации ведет к смене формы академической мобильности с физической на виртуальную. Китай обладает огромным потенциалом как заказчик, но проявляет избирательность, допуская зарубежные вузы на свою территорию лишь в форме партнерств (sino-foreign cooperative joint venture) [11, с.5].

Несмотря на доступную цену обучения в России, китайский экономический рост делает дорогие программы доступными для большего числа граждан КНР. В результате в Россию попадают или выпускники со слабым аттестатом, или провалившие экзамены в престижные вузы США или Западной Европы. Китайские студенты не расценивают Россию как перспективное место для проживания и профессиональной деятельности по окончании вуза [11, с.8].

Ключевой вопрос для двух стран — выбор стратегии: избегать конкуренции, конкурировать напрямую или объединиться. Наиболее перспективным видится конкурентное партнерство, которое привело бы к росту взаимного доверия, увеличению стоимости и ассортимента образовательных продуктов, и, как следствие, к повышению конкурентного потенциала обеих стран [11, с.11].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существенных различиях в подходах России и Китая к развитию академической мобильности. Россия, стимулируя экспорт образования преимущественно количественными и административными методами, часто упускает из виду качественные аспекты адаптации и долгосрочной интеграции иностранных учащихся. Китай же демонстрирует модель государственно-планируемой мобильности, где академические обмены являются частью стратегии «мягкой силы» и подкреплены мощной финансовой и инфраструктурной поддержкой. Международная деятельность университетов в Китае «строится как неотъемлемая часть внешнеполитической стратегии страны, где образовательная дипломатия тесно переплетается с экономическими и политическими целями» [7, с. 120], тогда как российский опыт мобильности не всегда ставит государственные внешнеполитические интересы на первый план, в России традиционно укрепляются уже существующие формы партнерства, модернизируется национальная система высшего образования [7].

Для повышения эффективности российской политики в этой сфере необходим синтез количественных показателей с качественной работой по созданию комфортной межкультурной среды, развитию программ на иностранных языках и активному использованию потенциала виртуальной мобильности. Стратегическое партнерство с Китаем на принципах конкурентного сотрудничества открывает возможности для формирования общего евразийского образовательного пространства.

Просматриваются следующие направления возможных исследований:

1. Сравнительный анализ «мягкой силы»: исследовать конкретные кейсы влияния обучения в России и Китае на карьерные траектории и политические предпочтения выпускников из третьих стран.
2. Изучение феномена «обратной» мобильности: провести серию интервью с китайскими учеными, вернувшимися на родину после обучения в России, для выявления реальных мотивов реинтеграции.
3. Адаптация образовательных программ: разработка и апробация совместных российско-китайских программ, учитывающих дидактические особенности обеих стран (интеграция проблемного обучения при сохранении фундаментальности знаний).
4. Виртуальная мобильность и утечка мозгов: изучение долгосрочных последствий потребления российскими студентами западных и китайских MOOC.
5. Постпандемическая трансформация: анализ того, как изменились модели академической мобильности после пандемии COVID-19, и как это отразилось на российско-китайских обменах.

Список литературы:

- [1] Артамонова Е.И., Ставрук М.А. Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С.11-20.
- [2] Гаврилюк Е.С., Козырская И.Е. Высшее образование как необходимое условие социально-экономического развития страны // Восьмые востоковедные чтения БГУ. Сборник научных трудов. Иркутск, Издательство: Байкальский государственный университет, 2017. С.37-46.
- [3] Григашкина С.И., Бугрова С.М. Академическая мобильность в вузе // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. Кисловодск. 2015. № 4(76). С.39.
- [4] Дугина Г.А., Малых О.А. Исследование международной академической мобильности в

Китае в контексте трудностей межкультурной адаптации// Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2021. С.8-22.

[5] Ковба Е.Г., Грибовод Д.М. Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 10. С. 9–31.

[6] Ли Лань, Аликберова А.Р. Анализ академической мобильности китайских студентов // Общество и государство в Китае. М. 2017. Том 47. №1. С.471-481.

[7] Ольховая Т.А., Докашенко Л.В., Парамонов В.Б., Панферова А.В. Развитие международной деятельности университетов в современных условиях: анализ зарубежного и отечественного опыта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2025. № 2 (246). С. 117-127.

[8] Певная М.В., Калинина А.Н. Академическая мобильность как объект исследований в контексте понимания нелинейности высшего образования в России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут. 2016. №2 (41). С.73-81.

[9] Петрова Л.Е., Кузьмин К.В. Виртуальная академическая мобильность студентов посредством MOOCS: методические решения преподавателя вуза // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 177–182.

[10] Рязанова Н.Е., Верховская Е.В. Трансформация образовательных направлений сотрудничества в БРИКС // Управление и политика. 2025. Том 4. № 4. С. 86–95.

[11] Рязанцев С.В., Шахрай С.М., Яник А.А. Попова С.М. Российско-китайская академическая мобильность как конкурентное партнёрство // Вестник Российской Академии наук. 2020. Том 90. № 1. С.3-14.

[12] Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93.

References:

- [1] Artamonova E.I., Stavruk M.A. Academic mobility as a means of integrating Russian universities into the world system of higher education//Pedagogical education and science. 2010. № 1. S.11-20.
- [2] Gavrilyuk E.S., Kozyrskaya I.E. Higher education as a necessary condition for the socio-economic development of the country//Eighth oriental readings of BSU. Collection of scientific papers. Irkutsk, Publishing House: Baikal State University, 2017. S.37-46.
- [3] Grigashkina S.I., Bugrova S.M. Academic mobility at the university//Management of economic systems: electronic scientific journal. Kislovodsk. 2015. № 4(76). S.39.

[4] Dugina GA, Malykh OA. Study of international academic mobility in China in the context of the difficulties of intercultural adaptation//Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology." 2021. S.8-22.

[5] Kovba EG, Gribovod D.M. International academic mobility through the prism of the theory of "soft power" //Education and science. 2019. VOL. 21. № 10. S. 9-31.

[6] Li Lanyi, Alikberova A.R. Analysis of Academic Mobility of Chinese Students//Society and State in China. M. 2017. Volume 47. №1. P.471-481.

[7] Olkhovaya T.A., Dokashenko L.V., Paramonov V.B., Panferova A.V. Development of international activities of universities in modern conditions: analysis of foreign and domestic experience//Bulletin of Orenburg State University. 2025. № 2 (246). С. 117-127.

[8] Pevnaya M.V., Kalinina A.N. Academic mobility as an object of research in the context of

understanding the non-linearity of higher education in Russia//Bulletin of Surgut State Pedagogical University. Surgut. 2016. №2 (41). S.73-81.

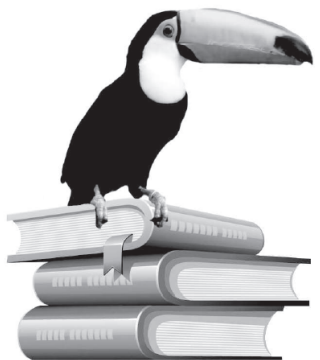
[9] Petrova L.E., Kuzmin K.V. Virtual academic mobility of students through MOOCS: methodological solutions of a university teacher//Pedagogical education in Russia. 2015. № 12. S. 177-182.

[10] Ryazanova N.E., Verkhovskaya E.V. Transformation of educational areas of cooperation in BRICS//Management and policy. 2025. Volume 4. № 4. S. 86-95.

[11] Ryazantsev S.V., Shakhrai S.M., Yanik A.A. Popova S.M. Russian-Chinese academic mobility as a competitive partnership//Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2020. Volume 90. № 1. S.3-14.

[12] A.V. Torkunov. Education as a tool of "soft power" in Russian foreign policy//Bulletin of MGIMO University. 2012. № 4 (25). S. 85-93.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.